

„Толькó' о́днá нау́кá радуе́т меня...“

1923, I/VIII. Петербург—Тифлис.

Дорогой Иван Александрович! О дорожных впечатлениях особо писать не буду. С внешней стороны стало как будто лучше: станции почистились, следы разрушения заглаживаются, поля дали безусловный урожай. Но наряду с этим масса бедноты, всюду полуодетые дети просят хлеба, именно хлеба, но не денег! Одним словом плюс поглощается минусом и получается такое впечатление, что до положительного еще очень далеко. Рога коровьи золотят, а сеном досыта не кормят. Когда я выехал в Петербург и извозчик повез меня по Нев-

В личном архиве академика И. А. Джавахишвили среди множества интереснейших материалов хранятся и письма выдающегося грузинского эллиниста, основоположника советской папирологии, члена-корреспондента Российской Академии наук Григория Филимоновича Церетели. Фрагменты некоторых из них, адресованные К. Магалашвили, за 1928—1936 годы уже публиковались в «Литературной Грузии» (№ 7 за 1988 год).

Предлагаемые ныне письма Г. Церетели к И. Джавахишвили датированы более ранним отрезком времени — с 1923 по 1928 год, когда Георгий Филимонович неоднократно был командирован в Ленинград для изучения и издания греческих папирусов.

Помимо представляющего и сегодня несомненный интерес содержания этих писем, они читаются как прекрасные образцы эпистолярного жанра.

Сохраняем авторскую орфографию топонимов и имен собственных.

Анна БАКРАДЗЕ

скому, сердце у меня сжалось. Мне почудилось, что передо мной гальванизированный труп. Он живет, он движется, но души у него нет: она отлетела. Это сознание было для меня очень тяжелым: меня словно окатили холодной водой! Как-то новые люди, мне чуждые, шли и двигались, дома смотрели хмуро, по набережной и по линиям зеленела трава, как будто лишняя для города, а в одном месте около университета ходила по улице курица с выводком цыплят. Словом, Петербург надел какую-то странную одежду, смесь провинции с большим городом -- Вы понимаете, Петербург, который всегда нравился мне своей аристократической выправкой и холодной выдержанностью. Только одна красавица Нева осталась красавицей, по ее гранитные берега сильно пострадали и по преимуществу испорчена набережная у дворца...

Меня встречали очень тепло и это меня согрело, но общее чувство тоски осталось, мне все время не по себе, словно я одел платье, которое и жмет и давит, не переставая. Да и может ли быть иначе? Где университет? Его в сущности нет. Удалены Кареев, А. И. Введенский, Гревс, Добиаш-Рождественская, Заозерский, Лавров, Д. К. Петров. Прикреплены не к своим курсам: Жебелев (Рим вместо Греции), Платонов¹ (древняя Русь вместо Московской) и т. д. Ряд лиц испал на положение сверхштатных профессоров, т. е. без жалованья. Появились махровые цветы красной профессуры: Тюменев (Греция), Боричевский (философия) и др. Ректор Державин надеется, что скоро «затхлая старина» заменится «новой блестящей новизной». Одним словом всюду начинают пробиваться ростки невежества, наглости и научной дерзости. Настоящие же ученые ходят, как потерянные. Это настоящие *mortui*², ждущие момента своей смерти! Есть, правда, и такие, что приспособляются, но о подобных типах и говорить не стоит. Вот вам абрис университета! Прав Сережа Жебелев, когда он с горечью сказал мне: «нет нашего университета, он умер». Нетронут пока бывший восточный факультет с его главой Н. Я. Марром³. У Марра я был, и был встречен любезно и отнюдь не агрессивно, но конечно без особого радушия. Я сказал бы, что он остыл, что его был недавний пошел на убыль, и даже в разговоре о рукописях он был сдержан, хотя это остается его большим местом. Наш «Моамбе»⁴ ему очень понравился, и он сказал мне даже, что на Рождество приедет в Тифлис. Скажу больше: на мой взгляд, Александра Алексеевна⁵ гораздо ярче, чем сам Н. Я. По крайней мере, с ней мне говорить

было труднее. Она, видимо, стоит на непримиримой точке зрения и я чувствовал все время, что она не прощает мне моей «измены»⁶. Она, видимо, хотела, чтобы я осудил образ действия грузин, но я, конечно, не мог сделать этого, как не мог согласиться и с тем, что русских на Кавказе и особенно в Грузии притесняют. Я доказывал, что это неправда, и что наоборот, тяжело грузинам, которым не дают дышать свободно. Вот вам мои первые впечатления!

Теперь о книгах. Я составил у сестры ряд «великолепных» и нужных нам книг. Их я хочу отправить немедленно с Шалвой Амрнанашвили⁷, который хотел двигаться в путь завтра. Среди них находится и принадлежащая мне греч[еская] р[укопис]ь IX в., подаренная мне сестрой. Она должна остаться в библиотеке и не быть отдана в Музей, как и папирусы, которые я привезу сам! Среди книг есть «Byzantino» Беляева⁸, «L'Épopée Byzantine» (2 шт) Schumberger-a⁹, Славянская энциклопедия Ягича¹⁰, и т. д. Все эти книги оценивайте сами. Сестра говорит, что ей все равно, «во сколько оценят, пусть так и будет». Пока я мог, конечно, отобрать немного, но я буду продолжать отбор и сверх того искать у букинистов и брать у товарищей и везде, где только можно. Все собранное я отдам Жордани и пусть уж он сам переправляет книги. Деньги будут, конечно, нужны для покупки у букинистов сразу и тогда я сообщу вам, ибо, насколько я пока понял, у Джгушиа¹¹ средств не так уж велики.

Пока, кончаю письмо. От души желаю Вам всего лучшего и крепко жму вашу руку.

Ваш Г. Церетели.

1923 26/VIII. Петербург—Тифлис.

Дорогой Иван Александрович, пока моя жизнь течет благополучно и с некоторым толком. Так я надеюсь почти подготовить к печати первый выпуск папирусов, который ведется мной и моим учеником Крюгером¹². Пишем мы его по-немецки, ибо издаваться папирусы будут в Лейпциге Бронкгаузом¹³. Готов вчерне и четвертый выпуск (греч[еские] папирусы арабского периода в частности 710 года), подготовленный под моей редакцией Петей Ернштедтом¹⁴. 10 сентября будут прочтены рефераты о папирусах в обществе любителей греч[еского] языка (Общество возглавляет Ф. И. Успенский)¹⁵. Т. о. с этой стороны я доволен и лишний [раз] благодарю Вас и университет за данную мне возможность работать здесь. С Мар-

ром у меня отношения холодно-официальные. Когда приходится встречаться, он старается быть корректным по отношению к Тифлису, куда хочет приехать; он вечно жалуется на худое отношение и себе со стороны своих учеников, которые даже писем не удосуживаются писать. Наш номер «Моамбе» видимо его раздражил. Он считает, что палимпсесты надо относить к X в. н. э. «тогда коленкор будет другой». У меня лично такое впечатление, что у него борются две стороны: его и тянет в Грузию и грехи не пускают¹⁶. А вообще странный он человек! Увлечение яфетидологией здесь идет постепенно на убыль. Языковеды, как Петя Эрнштедт, относятся скептически, хотя и думают, что зерно истины «может» иметь место. Кое-кто посмеивается. В Германии теория встречена враждебно: требуют фактов! Работа Брауна¹⁷ раскритикована и сослужила ему плохую службу: при избрании его доктором *Honoris causa*¹⁸ ¼ голосов были против! Это знаменательно! Ростовцев¹⁹ Марр не принял; несмотря на посланные ему два письма, его, когда Марр пришел, «не оказалось дома». Это было в Париже во время научной поездки Марра. Работают здесь много, но печатается лишь маленькая часть: приходится ждать годами. Не хватает денег. Широко идет популярщина. Вообще настоящая наука упрятана в «катакомбы» и это производит тяжелое впечатление. Об университете не пишу: старый университет умер. Теперь порождается новый. Думаю, что как было это в середине века работа научная будет идти помимо университета. Но среди молодежи есть очень талантливые люди, которые группируются вокруг старой профессуры: новая слишком слаба знаниями.

Среди посланных книг находится 63 книги академических изданий, выданных для меня Шанидзе²⁰. Остальные новые я получил сам. В Академии материальной культуры²¹ мне жаловались, что не раз выдавали свои издания Тифлисскому университету, и в ответ ничего не получали. Скажите И. А., чтобы библиотека прислала два экземпляра наших изданий на Азиатский музей²² (самому музею послано): один я отдам в Академию материальной культуры, из другого уделю кое-что Бенешевичу²³; он же обещает дать свои книги. Вообще надо устроить более широкий обмен, иначе нам ничего посылать не будут. Издания Академии мат[ериальной] культуры были даны для библиотеки университета. Почему же они все туда не поступили, а остались на руках? Надеюсь, что это недоразумение будет улажено. Я лично отобрал кое-какие хорошие книги

у сестры кроме посланных с Шалвой. Будет два ящика. Сюда присоединятся издания Эрмитажа, Археол[огического] общества²⁴, подарки. Все это составит ящика три вместе. Пуд стоит до Тифлиса один миллион. Будет пудов 10—12. Но у меня не хватит денег для пересылки. Пошлю, если можно, наложенным платежом. А те оставлю упакованными у сестры до более удобного времени, ибо у университета денег, наверно нет. С собой могу взять мало, т. к. жизнь здесь очень дорога и я едва сведу концы с концами. В Москву, конечно, не по паду, не хватит денег. До конца командировки останусь в Питере. Московские же папирусы разработают ученики мои. У книжников много хороших книг, но Du Cange-а и Stephanus-а пока не папеш... Lidell-а и Scott-а²⁵ не дают: было 3 экз[емпляра], один увезен Фазмером. Остальные два должны быть на месте. Я в большом горе: без специального византийского словаря работать неммыслимо! Но делать нечего!

Должен, однако, сказать, что с точки зрения выдачи книг для нашего университета здешними учреждениями, дело обстоит хорошо: предупредительность и любезность чрезвычайные. Думаю, что теперь наша библиотека сильно обогатится, но зато над отрицательно отразится это на систематическом каталоге. Ведь сперва придется каталогизировать новые поступления, а их масса. Помимо очередной работы знакомлюсь с новыми книгами немецкими. Есть для меня очень нужные по папирологии, а также по Менаандру и по другим вопросам. Так вот и живу, а на Петербург стараюсь не смотреть, для того, кто его раньше не знал, он великолепен, для меня же, кто в нем вырос, он — тень и только. Приятно одно — старые друзья и их отношение, теплое и сердечное. Издалека делаются разные предложения, связанные с возвращением. Рисуется Академия. На последнюю, конечно, иду, но с условием пребывания в Тифлисе и с приездом в Петербург на время, весной и зимой, на месяц, в итоге на два. Если пойдут на это, тем лучше, если же нет, пусть делают, как хотят, и своего решения не переменяю и Тифлис не оставляю. Да, проф. Гарле был бы согласен приезжать к нам месяца на полтора и читать курс у нас общего характера. По-моему это было бы чудесно: он ведь крупная величина и дивный лектор. Если факультет пошел на это, ему можно было бы сделать приглашение. Как вы по этому поводу думаете? Палишите и я дам ему тогда ответ. Ведь у нас новая история слаба...

Всего вам лучшего. Дайте знать, как поступить с книгами

и велите выслать два комплекта наших изданий на Азиатский музей.

Всей душой Ваш Г. Церетели.

1923 13/IX. Петербург—Тифлис.

Дорогой Иван Александрович! Вчера получил Вашу телеграмму с извещением о высылке денег через госбанк. Большое Вам спасибо! Я хотел выехать 23-го сентября и сделаю это, если до той поры получу письмо с чеком и по чеку деньги. В противном случае придется остаться до 28-го, т. к. поезда идут только по пятницам и воскресеньям (имею ввиду поезда прямого сообщения). У меня здесь набралось еще 3 ящика книг (из них — один — книги от Академии художеств, которые не успел получить Амиранишвили). Еще не знаю как поступлю с ними. Часть возьму с собой в багаж, а другую отправлю, если можно будет сделать это, наложенным платежом, или, если хватит денег, лушцу малой скоростью. Работу свою частично закончил, т. е. приготовил первый выпуск папирусов литературных, кот[орый] и будет переправлен в Германию, где корректуру берется держать Вилькен²⁶. Работал много и страшно устал. Но помимо этого работал и в Публичной библиотеке над дорогими моему сердцу греч[ескими] рукописями, и по просьбе Бычкова проверяю и исправляю еще каталог, который они здесь составили для новых приобретений. Не забываю и Эрмитажа. Так[им] обр[азом] дни мои *biens remplis*²⁷ и кое-какие результаты есть. На днях было заседание «Общества любителей греч[еского] яз[ыка] и мои ученики Эрнштедт и Крюгер прочли два отличных реферата, чем доставили мне большое удовольствие. Рефераты касались документов птолемеевских, римских и византийских, которые войдут в следующие выпуски нашего *Griechische papyri der russischen Sammlungen*²⁸. Одним словом папирусы сдвинуты с мертвой точки! У Марра я больше не был. Он мне визитом не ответил, и я ходить к нему на поклон, как это здесь принято, не намерен. Да и не влечет меня. До яфетидологии я не дорос, а так нам говорить не о чем. Слушать же вечно жалобы на Тифлис надоело! Моим ответом по поводу Академии все остались недовольны и надулись, но я своего решения не изменю. Единственное, что здесь хорошо, это — масса книг, возможность легко работать и удобство жить в своей квартире, а не в комнатах, как приходится нам в Тифлисе...

Все мои попытки выхлопотать один экземпляр Боннского

надания византийских историков не увенчались успехом. Новые люди отказали наотрез. Не вышло ничего и с Sophocles-ом!²⁹ Вот это очень грустно, так грустно, что и сказать не могу. Хочу попытаться хоть Sophocles-а выхлопотать или просто увести.

Последнее время стало очень холодно и кроме того постоянно дождит. Всюду грязно, ветрено — хочется солнца. Когда приеду, расскажу про разные детали моего здесь пребывания, а пока ограничиваюсь написанным. Всего Вам лучшего. Еще раз большое спасибо. Крепко жму Вашу руку.

Искренне Ваш Г. Церетели.

1924 5/VII. Ленинград—Тифлис.

Дорогой Иван Александрович, своим пребыванием в Питере воспользуюсь для папирусов, появления коих на свет "печерением" ждут мои друзья немцы. Мои ученики сделали много и я думаю, что мы в грязь лицом не ударим: по крайней мере, первый выпуск в рукописном виде производит солидное впечатление. Я уже писал Вам, что хочу издать его литографским путем у нас в Тифлисе, ибо условия Брокгауза слишком тяжелы и сверх того придется ждать год. Заглавие таково: *Papyri russischer Sammlungen herausgegeben von G. Zereteli I. Griech(ische) literarische Texte bearbeitet von G. Zereteli und O. Krüger.*³⁰ Что до посвящения, то оно гласит: *Den ausländischen Kollegen gewidmet.*³¹

В открытке я просил Вас провести это через факультет и притом так, чтобы не было задержек, как это было с Италом³². Повторяю мою просьбу и думаю, что издание университета не унижит, но покажет..., что и в Тифлисе умеют читать и издавать греч[еские] папирусы. Сверх того я хочу публиковать и второй выпуск Итала, который в черновом виде у меня готов. Вообще мне хочется, пока я жив, еще сказать несколько своих слов в науку: граница подняла мою энергию и показала мне, что я еще могу работать. О ней я вспоминаю с радостным и благодарным чувством. Приятно было ощущать, что тебя по-старому считают своим, что с тобой хотят работать и что есть даже люди, как Шубарт³³, который тебя просто любит. Все это в связи с полной свободой, с массой дивных переживаний, с приобщением к культурной жизни, конечно, неизгладимо, и я считаю себя счастливым, что испытал все это. Когда приеду, о многом перескажу Вам подробно и детально, о чем в письме было бы говорить долго.

Здесь встретил обрадованных приездом друзей, милый прием, тяжелую, душную атмосферу, неузнаваемый университет и т. д., т. е. смесь приятного с неприятным при преобладании последнего. Ощущаю полную оторванность от Питера и тяжелое гнетущее чувство, которое ослабляется только сознанием, что я нужен ученикам (у них ведь нет руководителей) и друзьям, не считая родных. Относительно Академия пошла старая канитель: ходят кругом да около, причем все это так нудно, что я решил, если моих условий не примут, отказаться от предлагаемой мне чести, сказав, что я предпочитаю быть профессором в Тифлисе, чем академиком в Питере. Вот уж византийщина в полном смысле этого слова! Да я достану все академические издания, которых у нас нет, добуду некоторые издания Эрмитажа и покойного археологического общества и вышлю все это в Тифлис, но за отправку платить не буду: ящик пойдет наложенным платежом. Если Вам что нужно, дайте знать немедленно, а то выйдет, как это было за границей! Что до сестры, то ее положение не легкое; и мне кажется, что нам следовало бы ускорить уплату: ведь уже год прошел, и мы уплатили всего 25 червонцев из общего количества 112!

От души желаю Вам всего лучшего, крепко жму Вашу руку, шлю привет Георгию Александровичу³⁴ и остаюсь уважающий и любящий Вас

Ваш Г. Ц.

1924 25/VII, Ленинград - Тифлис.

Дорогой Иван Александрович, был очень рад получить сегодня Ваше милое письмо и отвечаю на него сразу, не медля. Я с головой ушел в папирусы и занят теперь тем, что навожу глянec на готовый уже первый выпуск. Удаюсь найти в Эрмитаже еще два хороших папируса, да среди бумаг Бори³⁵ любопытный папирус, очень важный по содержанию. Присоединяю и их. Мои бывшие ученики, а нынешние соотрудники, работают усердно: я очень доволен ими и жалею об одном, что им тяжело живется. Сонечка³⁶ доехала отлично и передала мне все новости, касающиеся основателя яфетидологии: хорош, нечего сказать! К счастью, я его до сих пор не видел и не хочу видеть. Противно! Надеюсь, что кинутые им стрелы окажутся тупыми. О заграниче вспоминаю часто: она меня сильно приободрила и принесла громадную пользу во всех

отношениях. На днях напишу большое письмо, а пока желаю всего лучшего и остаюсь любящий Вас Г. Ц. Поклон Г. А.

1925 3/VIII. Ленинград—Тифлис.

Дорогой Иван Александрович, на сегодня пишу несколько строк, никого еще не видел, и потому новостей нет. Академия делится, красится, приводит себя в порядок. Служащие с ног сбились: хлопот подон рот! Ольденбург почти invisible³⁷, до словам служащих Азиатского музея. О том, было ли нам приглашение наведет оправки Петя. На днях начну работать. Пока отдыхаю: почему-то, несмотря на удобства дороги, устал. Всего лучшего. Жму Вашу руку. Поклон Г. А. Напишу ему завтра. Любящий Вас Г. Ц.

1925 15/VIII. Ленинград — Тифлис.

Дорогой Иван Александрович, жизнь моя в Ленинграде идет по обычному руслу: Эрмитаж, Публ[ичная] библиотека, работа дома, посещение мною друзей, их приход ко мне. Самочувствие хорошее, но усталость не проходит: постоянно такое ощущение словно голову сжимает обруч. Это ужасно противно! Получил билет на академические торжества³⁸ и распписание хода последних. Решил тем не менее не идти: я вообще не люблю фанфар, а тем более слишком шумных. Голова от них болит, и душе они ничего интересного не дадут! Думаю, что линия моего поведения правильна. Сообщите свое мнение. А наш университет получил приглашение? Всего лучшего.

Любящий Вас Г. Ц.

1925 22/VIII. Ленинград — Тифлис.

Дорогой Иван Александрович, «записки» здешнего университета мне удастся получить двух факультетов: ист[орико]-фил[ологического] и восточного, но, к сожалению, далеко не полные: многих номеров нет. Некоторые недостающие номера ист[орико]-фил[ологического] фак[ульте]та дополню из книг Лели. Вообще из Лелиных книг я отберу ценные, кот[орые] мы потом оценим в Тифлисе: будет рублей на 300—400. Записки мат[ематического] фак[ульте]та, возможно, что не дадут: их очень мало осталось. О юридических пока не говорил. Софоклеса словарь и Боннский корпус давать не хотят ни за что. Продолжаю настаивать, но кажется втуне. Вообще с новыми людьми сговариваться трудно! Выйдет книг несколько ящичков и хорошо было бы, если бы вы мне выслали руб-

лей 50 на расходы. С библиотекой Бори ничего не вышло: не дают. На днях напишу больше. Всего лучшего. Любящий Вас Г. Ц.

1925 24/VIII. Ленинград — Тифлис.

Дорогой Иван Александрович, в субботу я узнал от Шибелева, что на академические торжества ожидается от нас приезд 12 человек. Заключаю отсюда, что приглашение в конце концов дошло Тифлиса. Но почему такое *embarras de richesse*³⁷? Ведь даже университет здешний будет представлен всего тремя. Что до меня лично, то я, вероятно, не пойду. Очень не хочется, гл[авным] обр[азом] в силу той американской шумихи, которая поднята вокруг праздника, и еще в силу некоторых причин общего свойства. Но судя по приготовлениям будет нечто импозантное и для многих дело интересное. Относительно же иностранных ученых пока трудно сказать что-нибудь определенное. Говорят и так и сяк, судя по тому, кто говорит. Более сильно, видимо, будет представлен Восток: *Ex Oriente Lux!*⁴⁰.

Марра видел раз случайно и не рвусь к повторению встречи: мы встретились в Публ[ичной] библи[отеке], он хотел что-то сказать, но я поспешил вернуться к своим рукописям и разговор не состоялся. Не лежит мое сердце к нему! Ольденбурга не видел. Что до «записок» здешняго унив[ерситета], то я уже писал Вам, что будут выданы «Записки» ист[орико]-фил[ологического] и восточного факультетов, причем недостающие (осталось ведь очень мало!), частично дополню из книг Бори и Лели⁴¹, но сделаю так, что данное унив[ерситетом] (оно дано даром) будет запаковано отдельно. У Лели же я отобрал сверх того разные ценные книги, кот[орых] у нас нет, рублей на 400. С библиотекой же Бори, что в академии, ничего не вышло: не отдают, а Леля не настаивает. Не вышло ничего и с Боннским корпусом! Ergo, нам придется купить его за границей. Что до меня лично, то я свое дело делаю понемногу, причем Итал у меня кончен, а из папирусов готов выпуск IV, сработанный очень хорошо Ериштедом: я весь его прозерил, где нужно поправил, и своими учениками очень доволен. — будет совсем хорошо! Выпуск же 11, что в руках Крюгеда, еще не готов, но сделанное тоже не заставляет желать лучшего. Общий прием здесь сердечный и теплый: не забыли меня и все пеняют, что не хочу вернуться. Но зачем я вернусь, для чего, ради кого и на что? Неужели из-за тени

Академии? Да будь это раньше, когда была не тень, а действительность, да и то не стоило. А теперь тем паче! В силу всего этого еще раз повторил все, что говорил, и попросил поставить точку над вопросом. Самое же противное во всем этом, это способ действия: не прямо, а кругом да около. Чистое византийство: недаром Ф. И. Успенский действует!...

Как сами видите, интересного сообщить много не могу: все как-то серо и буднично и скучно. Общее впечатление такое, как будто лежит туман и подниматься вверх не хочет. Вообще, не будь здесь работы и несколько близких мне лиц, я не стал бы приезжать в Ленинград! Больно уж томительно, несмотря на все оказываемые ласки. Думаю, что отчасти все эти думы и ощущения диктуются и наступающей старостью: все как-то неинтересно, мелко и пошло кажется. Только одна наука и радует меня теперь. Все же прочее — ненужные побрякушки!

Да, Иван Александрович, было бы хорошо, если бы Вы прислали мне рублей 50 на покрытие расходов по книгам: будут несколько ящиков и я боюсь, что мне моих личных денег не хватит, — у меня ведь их не много.

Всего Вам лучшего. Поклон Георгию Александровичу. Пишите, буду рад получить весточку. Любящий Вас Г. Ц.

1925 25/VIII. Ленинград—Тифлис.

Дорогой Иван Александрович, получил сегодня Вашу открытку от 20-го и узнал из нее как обстоит дело с приглашением нашего университета на празднество. Сообщенные Вами сведения только укрепили меня в моем решении не идти на празднества. Раз оскорблен университет, к которому я принадлежу, значит и для меня не может быть места в учреждении, его оскорбившем. Не понимаю одного, для чего было делать подобную штуку. От души желаю всего лучшего. Любящий Вас Г. Церетели.

1925 29/VIII. Ленинград—Тифлис.

Дорогой Иван Александрович, наконец-то покончил со вторым выпуском Итала: текст установлен, критический аппарат готов, testimonia⁴² собраны, — словом дело в шляпе. Готов вполне у Эрнштедта и 4-ый выпуск папирусов. Значит две работы приведены ad desiderabilem finem⁴³.

Относительно торжеств интересуюсь мало. Фанфары гремят во всю. Рекламы действуют crescendo. Сам С. Ф.⁴⁴ пози-

рует неутомимо и языком и в изображениях. На папирусы появилась рецензия в итальянском журн[але] «Aegyptus»: хвалит. Всего лучшего. Ваш Г. Ц.

Привет Г. А. Почему он не пишет?

1927 17/XI. Ленинград—Тифлис.

Дорогой Иван Александрович, на сегодня пишу мало, — только весточку о себе подаю. Работаю много, о работе лишь и думаю, нигде пока в гостях не был: времени жаль, да и тому же вижу всех в Эрмитаже, в Академии, в университете, когда там работаю. С Петей и Крюгером полная *entente cordiale*⁴⁵. Но порою трудно бывает: папирусы упрямятся, комментарии порой не удаются, выходит иногда не так, как хочется. Тогда нервничаю, сержусь на себя и на соратников, точно они виноваты. Так вот и проходят дни за днями. У нас зима полная с небольшими морозами: больше 4° не было. В доме у моих хорошо: тепло, идеально тихо, только работаю. Крепко жму Вашу руку, кланяюсь Г. А. и Валним, Любящий Вас Ваш Г. Церетели.

1927 6/XII. Ленинград—Тифлис.

Дорогой Иван Александрович, работа моя по-маленьку подвигается и в общем я нахожу, что достигнутые пока результаты удовлетворительны. Пока обработано из 60 папирусов 20 с небольшим, причем по большей части мы работаем вместе с Петей. Крюгер же завершает свой выпуск, наводя последний глянец. Если так пойдет дальше, четвертый, т. е. по порядку третий выпуск будет к концу января готов. Останется лакировка и разного рода мелочи, и оба выпуска, второй и третий, выйдут почти одновременно. Вот когда эта минута наступит, тогда я скажу: «пыне отпускаеши», ибо 5 выпуск, если бы и случилось что-либо со мной, вполне может быть сделан и без меня: в нем *Ostaka*⁴⁶ (частью моею изданные, частью готовые к изданию), деревянные таблички (копии мои Крюгера), надписи (копии мои и Крюгера) и ряд папирусов второстепенного содержания (часть их еще не готова). Одним словом, дела на мази!

Петя и Крюгер работают превосходно, с подъемом и с энергией, причем немецкий яз[ык] выглаживается Петей, ибо он пишет изящнее, чем Крюгер. Они оба и то говорят, что у нас настоящая лаборатория, где вместо колбочек — папирусы. Да, все идет гладко, и я доволен. Недоволен только я

назавтра назначено особое заседание в мою честь в изящных искусств в университете, где будут прочтены эферата на темы папирологии и, вероятно, будут говорить злые жалкие слова, чего я не люблю и на что никогда не отвечать. И все это вышло как-то неожиданно, так что успел отказаться от чествования, а должен был примириться с *Fait accompli*⁴⁷.

В университете здесь, несомненно, ряд профессоров удален (Мелев, Платонов и др.), часть сделана сверхштатными (Ковалев⁴⁸, Крачковский,⁴⁹ Петя Эрнштедт), часть переведена на другое положение: могут, если хотят читать *gratis*⁵⁰ (Крюгер, Крачковский⁵¹ и др.). Жалуются на тяжесть и восточники. У нас введена Академия лекторов, ну а профессора, по их желанию, на положении «поддужных». Хорошо живется физикам, математикам и химикам. В Академии делается странное. Впечатление такое, как будто Академия стоит на репутации: влево пойдешь, шею сломаешь, вправо — копейку соберешь, а прямо идти Академия разучилась. Кого я вижу в панике, а тут еще слухи о возможном сокращении канцелярии и библиотеке и разным кабинетам, ибо по случаю юбилея Академия очень раздула свои штаты. Предварительные выборы и в Академии материальной культуры, ибо там слишком много народа околачивается. Ну, а известно, что *viel Gerichte — Ursache mancher Geschichte*⁵².

Вообще, что-то ожидается и во что все отольется, сказать трудно! Я лично думаю, что Академию ждет судьба университета и коренная перестройка. Не потому ли и Ольденбург отказывается от звания неуремоченного секретаря? Крысы обычно покидают корабль перед его гибелью!

Всего Вам лучшего, дорогой Иван Александрович, от души желаю здоровья, энергии, успехов в работе. Поклон Вам Дружески жму Вашу руку. Любящий Вас Г. Церетели. А как плывет наш университетский корабль: ведь у него ля, ши ветрил?

25/1. Ленинград — Тифлис.

Дорогой Иван Александрович. Спасибо за письмо Ваше, полученное мною на днях. Мне было очень приятно и получить и прочитать: оно заменило разговоры с Вами, которые я очень люблю. Радуюсь успехами Чубинова⁵³: они важны для нашего университета и являются хорошим подарком к его десятилетнему юбилею. Это гораздо лучше, чем официальный десятилетний юби-

лей с обычными для таких случаев речами, фанфарами, глупой шумихой и неизбежным банкетом. Жаль только, что достижения чисто научные не имеют значения для нашего начальства, оно лишнего рубля не дает на них и для них, а на пеструю шумиху истратит тысячи. So ist der Lauf der Welt⁵⁴.

...Вообще неразбериха полная, а над всей этой мышинной бегомной веет грозная тень грядущих сокращений, чего многие боятся. Пострадают, конечно, стрелочники, но не тузы, пострададут те, кому и так есть нечего. И когда смотришь на все это и слышишь про то, что делается, на душе становится остро-тоскливо и начинаешь жалеть, что нет Фиванды⁵⁵, где спасались святые отшельники. Теперь такое время, что будь даже простой улиткой, и те враги найдутся. Но самое обидное это то, что-то гадкое, что творится, творится «солью земли», т. е. самими учеными. Ну, какое же уважение может быть к этим людям со стороны правительства? И вот уходишь в себя и в свои книги (по крайней мере, они не изменяют)... А мои друзья (Лихачев⁵⁶, Жебелов и др.) еще упрекают меня, что я сторонюсь и не делаю так, чтобы быть на виду, — «падо, чтобы вас видели». Почему падо? Я вовсе не хочу этого, мне это противно. А они говорят: «Странный вы человек». Ну, и пусть странный! Цель, которую я поставил себе, уезжая в командировку, мной достигнута: все 3 выпуска (60 папирусов) мной и Петей Эрнштедтом обработаны вчерне, -- с осени можно будет печатать. А сейчас, когда вернусь, буду печатать 2 выпуск, обработанный Крюгером. Вывожу в свет второго ученика! Вообще я сейчас на отлете и только жду денег от правления, которое, однако медлит: своих мне не хватит -- дорога жизнь.

От души желаю Вам всего лучшего. Кланяюсь всем Вашим. До скорого свидания! Любящий и уважающий Вас Ваш Г. Церетели.

1928 29/VII. Ленинград -- Тифлис.

Дорогой Иван Александрович, что сказать Вам по поводу моего возмутительно долгого молчания? Никаких смягчающих вину обстоятельств у меня нет, и я просто сознаюсь, что виноват, в надежде, что повинную голову и меч не сечет. Не думайте только, что я забыл Вас, — молчание не всегда знак забвения! Просто откладывал со дня на день, ожидая, что накопится что-нибудь интересное. Ну, а интересное не приходило, дни же уходили, и в результате Вы не получили от меня ни строчки. Ах, как не хорошо!

Мы тут до последних дней не выходили из полосы дождей. Не лето, а какая-то преждевременная осень! Слякотно, холодно, сыро. Только вчера и сегодня солнцу словно стыдно стало: и оно, разогнав тучи, начало светить и греть. На долго ли? (Обсерватория не надеется! Однако, несмотря на хмурое небо, настроение у меня не хмурое, а какое-то равнодушно-спокойное, и за исключением ничего другого я наслаждаюсь идеальной тишиной нашей квартиры, уютом и тем, что меня не шпыняют и не колят булавками, как за последнее время в Тифлисе. Как мало иногда человеку надо! Папирусы мои пахотятся в хорошем состоянии, и я с Эрнштедом занят теперь полировкой написанного, дабы одновременно с завершением 2 выпуска начать печатание нашего 3-го. Хочу на неделю съездить в Москву для разрешения ряда недоуменных мест, с которыми Петя не справился. Справлюсь ли я, не знаю, но для очистки совести это надо сделать, а то как-то неловко будет. Помимо папирусов делаю мало: почитываю только кое-какие интересные книги, а иногда просто лежу и думаю, благо диваны у нас мягкие, настоящие «самосоны». В гости хожу редко, тем более, что почти все друзья в отъезде. Даже и ходить не к кому! Только у Жебелева я бываю. Здесь те, кого я видел, возмущены, что университет наш не выставил меня кандидатом. Я объяснил причину, но мои объяснения, видимо, не удовлетворили спрашивавших. «Ну, пусть не университет, как целое! Кроме бюро секции могла быть группа ученых! Где она и почему она отсутствует? Где научные общества?» Вообще здесь недоумевают, забывая, что у каждого города свой нрав и у каждого монастыря свой устав! Сказать определенно, пройдет ли моя кандидатура, конечно нельзя. Все зависит от ряда случайностей, а их немало, и зависят они не от Академии. Могу сказать только, что будущие выборы будут похожи на лотерею, устроенную в семье, где выигрывают не гости, а хозяева, и лишь для соблюдения приличия и на долю гостей выпадает удача. Вот если я буду таким гостем, любимцем Тух⁵⁷, то меня выберут. На меня же лично список кандидатов произвед странное впечатление: чем меньше у кого работ, тем больше рекомендаций! Мудрый Эдип, разреши! Ну как же не сказать «есть многое на свете, друг Горацио, чего не снилось и мудрецам!» Да, век живи, век учись, а все равно ничего не поймешь или руками от удивления разведешь!

Впрочем к чему гадать и предполагать? Придет время и

все выяснится, а пока будем ждать. Ждать не придется долго. Вся начатая канитель окончится только в декабре! Думаю, что за это время некоторые слишком дряхлые кандидаты (таких тоже немало) успеют умереть раньше ожидаемого академического бессмертия. Разговоров вообще идет много, но интересного в них мало: так, досужих умов досужие соображения, а потому, говоря словами Тургенева, «мимо, читатель, мимо».

Приехал сюда Гоги Церетели²⁸. С книгами, с их получением из Азиатского музея, я его устроил. На днях познакомлю с Коковцевым, а на житие устрою с момента своего отъезда отсюда в нашей квартире, благо мои родственники, семья Софьи Ивановны, ничего против этого не имеют. Для него это будет хорошо, так как найти сейчас комнату очень трудно (дешевле 30 с лишком рублей не достать). Ему за помещение у нас надо будет вносить ежемесячно 15 рублей, что дешевле дешевого ввиду вводимой с октября новой квартирной расценки. Надеюсь, что это его устроит, ибо с деньгами у него не густо, мне же хочется ему помочь, т. к. он юноша талантливый и из него может выйти тольк. А как Ваше здоровье, Ваше самочувствие? Не зная, где Вы, пишу на университет в надежде, что Г. А. (ему низко кланяюсь и скоро напишу) возьмет и передаст или перешлет его Вам.

От души желаю Вам всего, всего лучшего. Поклон Вашим. Любящий и глубоко Вас уважающий Ваш Г. Церетели.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Кареев Николай Иванович (1850—1931) — историк, член-корреспондент Петербургской Академии наук с 1928 года, почетный член Академии наук СССР; Введенский Александр Иванович (1856—1925) — философ, профессор; Гревс Иван Михайлович (1860—1941) — историк, профессор; Добиаш-Рождественская Ольга Антоновна (1874—1939) — историк, член-корреспондент Академии наук СССР; Зезерский Александр Иванович (1874—1941) — историк, профессор; Лавров Петр Алексеевич (1856—1929) — славист, академик; Петров Дмитрий Константинович (1872—1925) — филолог, профессор; Жебелев Сергей Александрович (Сержа, С. Ж., 1867—1941) — крупнейший советский историк, академик; Платонов Сергей Федорович (1860—1933) — историк, академик. Все — профессора Ленинградского университета.

2 *Morturi* (лат.) — обреченные на смерть.

3 Марр Николай Яковлевич (М) (1864—1934) — академик, лингвист, востоковед.

4 «Моамбе» — ежегодный журнал Тбилисского университета, издававшийся в 1919—1930 годах.

5 Александра Алексеевна — супруга Н. Я. Марра.

6 Подразумевается перевод Г. Ф. Церетели в Тифлис.

7 Амиранашвили Шалва Ясонович (Шалва, 1899—1975) — грузинский ученый, искусствовед, академик Академии наук Грузинской ССР.

8 Беляев Дмитрий Федорович (1846—1901) — историк, византист, филолог, член-корреспондент Петербургской Академии наук.

9 Schlumberger G. — (Шлумбергер Г.) — французский ученый XIX века, византист.

100 Ягич Ватрослав Викентьевич (1839—1923) — по национальности хорват, славист, академик Петербургской Академии наук.

111 Джгушиа Дамиа: (умер в 1968 году) — представитель академического делопроизводства Грузинской ССР в РСФСР.

112 Крюгер Отто — папиролог, ученик Г. Ф. Церетели.

113 Брокгауз — немецкое книгоиздательство или издательская лейпцигская фирма, купленная в 1808 году книготорговцем Ф. Брокгаузом.

114 Ернштедт Петр Викторович (Петя, 1890—1966) — советский ученый, специалист в области греческого, коптского и хеттских языков, профессор.

115 Успенский Федор Иванович (1845—1928) — историк, византист, академик.

116 Речь идет об отношении Н. Я. Марра к основанию Тбилисского университета.

117. Браун Эдуард (1862—1926) — английский востоковед.

118 Honoris causa (лат.) — правило присвоения ученой степени доктора без защиты диссертации.

119 Ростовцев Михаил Иванович (1870—1952) — историк, археолог, профессор, эмигрировал в 1917 году в США.

210 Шанидзе Акакий Гаврилович (1887—1987) — лингвист, один из основателей Тбилисского университета, академик Академии наук Грузинской ССР.

211 Академия материальной культуры — Российская, в дальнейшем государственная (ГАИМК), научный организационный центр археологической науки в РСФСР, существовавший с 1919 по 1937

год. С 1937 года преобразована в Институт истории материальной культуры имени Марра.

22 Азиатский музей — находящееся в Ленинграде собрание, рукописей на различных восточных языках и библиотека печатных книг по востоковедению на европейских языках. Возник в 1818 году. В 1930 году с рядом других востоковедческих учреждений вошел в организованный на их базе Институт востоковедения Академии наук СССР.

23 Бенешевич Владимир Николаевич (1874—1943) — археограф и историк, член-корреспондент Российской академии наук, член Страсбургской и Берлинской академий.

24 В России Археологическое общество было основано в 1804 году. Его целью было изучение и охрана археологических памятников.

25 Иностранные лексикологи XIX века. Stephanus — автор географического словаря VI века н. э.

26 Вилькен Ульрих (1862—1944) — немецкий историк античности, один из основоположников греческой папирологии.

27 Biens remplis (франц.) — загружены.

28 См. примечание 30.

29 Sophocles E. A. — автор греческого словаря 1887 г.

30. Papyri russischer Sammlungen herausgegeben von G. Zereteli I. Griechische literarische Texte bearbeitet von G. Zereteli und O. Krüger (немец.) — Собрание греческих папирусов, изданных Г. Церетели I. Греческие литературные тексты, обработанные Г. Церетели и О. Крюгером.

31. Den ausländischen Kollegen gewidmet (немец.) — посвящается иностранным коллегам.

32 Итал Иоан — византийский философ конца XI века.

33 Шубарт Вильгельм — немецкий ученый, палеограф, папиролог.

34 Джавахишвили Георгий Александрович (1877—1956) — грузинский антрополог, профессор, брат И. А. Джавахишвили.

35 Тураев Борис Александрович (1868—1920) — академик, историк древнего Востока.

36 Церетели Софья Ивановна — урожденная Максимова, супруга Г. Ф. Церетели.

37 invisible (франц.) — невидим.

38 Имеются в виду торжества, посвященные 200-летию Академии наук, основанной в 1724 году.

39 Embarras de richesse (франц.) — излишество.

40 Ex Oriente lux (лат.) — сияние с Востока.

- 41 Леля — Елена Филимоновна Церетели, сестра Г. Ф. Церетели, супруга Б. Тураева.
- 42 Testimonia (лат.) — доказательство, свидетельство.
- 43 Ad desiderabilem finem (лат.) — до желанного конца.
- 44 Ольденбург Сергей Федорович (С. Ф.; 1863—1934) — востоковед, академик.
- 45 Entente cordiale (франц.) — сердечное понимание.
- 46 Οστρακισμός (греч.) — деревянные таблички, которыми пользовались при голосовании в народном собрании древних Афин; применялись при решении вопроса об изгнании лиц, признаваемых опасными для государства.
- 47 Fait accompli (франц.) — свершившийся факт.
- 48 Коковцев Павел Константинович (1861—1942) — лингвист, академик.
- 49 Крачковский Игнатий Юлианович (1883—1951) — основоположник советской арабистики, академик Академии наук СССР, член-корреспондент иностранных академий и научных обществ.
- 50 Gratis (лат.) — даром.
- 51 Фармаковский Борис Владимирович (1870—1928) — археолог античности, член-корреспондент Академии наук.
- 52 Zu viel Gerichte — Ursache mancher Geschichte. (немец.) — слишком много еды причина всяких происшествий.
- 53 Чубинашвили Георгий Николаевич (1885—1973) — грузинский ученый, искусствовед, академик АН Грузинской ССР.
- 54 So ist der Lauf der Welt (немец.) — так обычно бывает в жизни.
- 55 Фиванда — пустыня, куда спасались монахи — исследователи первого отшельника этой пустыни, св. Антония.
- 56 Лихачев Николай Петрович (1862—1936) — историк, искусствовед, академик Академии наук СССР.
- 57 Τυχή (греч.) — судьба.
- 58 Церетели Гоги — Церетели Георгий Васильевич (1904—1973), известный грузинский востоковед, академик Академии наук Грузинской ССР, основоположник грузинской востоковедческой школы.

